нуть ее никогда не могут: нет такого языка в свете, который бы мог изобразить столько прелестей. Вы догадываетесь, что я говорю о Венере Медицисской.

С пером в руке сижу перед нею. Вообразите себе нечто тысячу раз прекраснее всего того, что вам случилось видеть лучшего, тысячу раз трогательнее всего того, что вас трогало в жизни вашей, тысячу раз восхитительнее всего того, что восхищало вас: вот Венера Медицисов. В этой подлинной Венере — все Венера.

Все, что ни приметишь в ней, — прелесть.

Вся поверхность нежного этого тела расцвела юностью и сияет божеством.

Не подумайте, чтобы я прибавлял; я говорю без восторга: посмотрите сами на эту голову! Всякая на ней черта не дышит ли сладострастием, как всякий розовый цветок пахнет розою?

В каком безысходном саду красот[67] теряется глаз и бегает! Он переходит или, лучше сказать, пролетает с красоты на красоту, с прелести на прелесть, с приятности на приятность, следуя по самой ближней черте от начала божественного Венерина тела до конца ее божественной ноги, не взирая ни на что другое; никогда не может остановиться: не смеет он отдохнуть на ее пальцах, так они нежны; не смеет устремиться на грудь ее, она так чиста!

Вы говорите: чьи чувства не воспалятся, глядя на Венеру Медицисскую? Всякого человека истинно чувствительного. Она трогает, восхищает, разогревает чувства. Но не воспаляет. Она развивает в сердце цвет той райской нежности, не оскверненной еще никаким желанием, которая так сладко оживляет сердце, тогда как в нем рождается любовь.

Но Венера, скажут, нагая. Ничем не покрыта. Разве не видишь ее целомудрия?

Какая мысль занимает Венеру? Она не мыслит: Венера только чувствует.

Как мне нравится прелестно-ленивая наклонность этого тела! С какою приятностью стыдливая нога эта закрывается прекраснейшим коленом! Венера на земле; но Венера не стоит на ней.

Смотря на эту Венеру, думаю иногда, что это подлинно она: не знаю, какое-то смущение в себе чувствую.

Говорят, что во всем, что любишь, есть нечто женского; можно сказать, что есть нечто Медицисской Венеры во всем, что прельщает.

---

[67] Так Андрей Тургенев передает французское «dédale des beautés». — *К. Л.-Д.*